

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024633-2

## **“Высокая болезнь”: клиника и литература (Русская словесность первой половины XIX века и медицина)**

© 2023 г. В. А. Котельников

Доктор филологических наук,  
главный научный сотрудник Института русской литературы  
(Пушкинского Дома) РАН,  
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4  
vladilogos@mail.ru

**Резюме.** В статье рассматриваются реальные случаи психопатии у русских писателей первой половины XIX века, в частности у К.Н. Батюшкова и П.Я. Чаадаева, и связь болезни с их литературной деятельностью. Привлекается материал из истории русской психиатрии. Вместе с тем, подробно исследуется разработка темы безумия в литературе данного периода, а также в ранней поэзии Б.Л. Пастернака. Раскрываются романтический характер и источники такой разработки в произведениях В.Ф. Одоевского, влияние творчества Э.-Т.-А. Гофмана. Показана романтическая персонификация темы безумия в повестях Н.А. Полевого “Блаженство безумия”, “Эмма” и в повести Н.Ф. Павлова “Маскарад”. Отмечена философско-этическая трактовка темы в стихотворениях Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева, в повестях А.И. Герцена “Доктор Крупов” и “Поврежденный”.

**Ключевые слова:** психопатия, психиатрия, романтизм, литература первой половины XIX века, К.Н. Батюшков, П.Я. Чаадаев, В.Ф. Одоевский, Б.Л. Пастернак.

**Для цитирования:** Котельников В.А. “Высокая болезнь”: клиника и литература (Русская словесность первой половины XIX века и медицина) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 1. С. 5–16. DOI: 10.31857/S160578800024633-2

## **The “High Disease”: Clinic and Literature (Russian Literature of the 1<sup>st</sup> Half of the 19<sup>th</sup> Century and Medicine)**

© 2023 Vladimir A. Kotelnikov

Doct. Sci. (Philol.),  
Chief Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House)  
of the Russian Academy of Sciences,  
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia  
vladilogos@mail.ru

**Abstract.** The article examines cases of psychopathy, which occurred among Russian writers of the 1<sup>st</sup> half of the 19<sup>th</sup> century, in particular K.N. Batyushkov and P.Ya. Chaadaev, and the connection of the disease with their literary activity. The material from the history of Russian psychiatry is involved. At the same time, the development of the theme of insanity in the literature of this period, as well as in the early poetry of B.L. Pasternak, is studied in detail. The romantic nature and sources of such development in the works of V.F. Odoevsky, the influence of E.T.A. Hoffman’s creativity are revealed. The romantic personification of the theme of madness is shown in N.A. Polevoy’s novels “The Bliss of Madness”, “Emma” and in N.F. Pavlov’s novella “Masquerade”. The philosophical and ethical interpretation of the theme is noted in the poems of E.A. Boratynsky and F.I. Tyutchev, in the novels of A.I. Herzen “Doctor Krupov”, “Damaged”.

**Key words:** psychopathy, psychiatry, Romanticism, literature of the 1<sup>st</sup> half of the 19<sup>th</sup> century, K.N. Batyushkov, P.Ya. Chaadaev, V.F. Odoevsky, B.L. Pasternak.

**For citation:** Kotelnikov, V.A. “*Vysokaia bolezn’*”: *klinika i literatura (Russkaia slovesnost’ vtoroj poloviny XIX veka i meditsina)* [The “High Disease”: Clinic and Literature (Russian Literature of the 1<sup>st</sup> Half of the 19<sup>th</sup> Century and Medicine)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 1, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024633-2

Среди давно известных эндогенных патологий (кардиопатии, остеопатии, миопатии, полинейропатии и др.) особое внимание с древности привлекали психопатии. Это связано с тем, что они, при внешне здоровом теле, приводили к глубоким изменениям личности, имевшим негативный социальный эффект. Необъяснимость умственных и поведенческих девиаций заставляла предполагать, вплоть до Нового времени, вмешательство сверхъестественных сил. Пророк Даниил рассказывает о Навуходоносоре, наказанном Богом за гордыню безумием, и сообщает подробности: царь был отлучен от людей, обитал “с полевыми зверями”, ел траву, как вол (Дан 4:29). И Саул пережил насланное Богом помрачение ума<sup>1</sup>, которое псалмопевец Давид исцелял игрой на арфе, — вероятно, один из первых случаев меланхолии<sup>2</sup>. По сообщению греческого врача Маркелла Сидского (Μάρκελλος σιδήτης; II в. н.э.), автора большой медицинской поэмы, в памяти современников остались случаи (первые относились еще к 1800-м годам до н.э.) так называемой *Lycanthropia* (волкочеловечие), когда страдавшие таким недугом лаяли и были по-волчьи, скитались по полям и кладбищам (свидетельства о них были найдены Маркеллом в документальных источниках, а не в мифах и фольклоре). Древняя Греция знала твердые нормы правильного мышления и поведения и нарушения их выводила в область “безумия” (παράνοια). Платон в трактате “Законы” свидетельствовал, что “с ума сходят многие и по-разному <...> из-за болезней; бывает это из-за дурной природы духа и дурного воспитания” [2, т. 4, с. 399–400]. В “Тимее” антагониста разумному человеку он называл помешанным, испорченным [2, т. 3, с. 161], однако в священном бреде прорицателей видел практическую пользу. Киника Диогена здравомыслящие греки третировали как “безумствующего Сократа”. Подробное историческое описание безумия и отношения к нему общества в классическую эпоху дал Мишель Фуко [3].

В русских текстах Нового Завета понятие “безумный” используется как антитеза понятиям

“разумный, мудрый” в их языческом, нехристианском понимании и употреблении в ту эпоху. Евангельское “безумие” к патологическому безумию не имело прямого отношения. В известном выражении Апостола Павла “Мы безумны Христа ради” (ἡμεῖς μωροὶ διὰ Χριστόν — 1 Кор 4:10) греческое μωροὶ буквально значит просто “неразумные, несмысленные”. Данное греческое слово (в единственном числе) стоит в Евангелии от Матфея, и в русском тексте оно также переведено как “безумный”; в старославянском в этом месте (Мф 5:22) стоит “оуродъ” со значением “безумный”, “умалишенный”, что является неточным переводом μωρὸς. Однако остается неясным, почему слово μωρὸς, сказанное “брату своему”, влечет за собой несоразмерную, казалось бы, угрозу сказавшему быть “в геенне огненной”.

“Оуродъ”, как мы знаем, дает позднейшее “юрюдивый” — то есть Христа ради принявший на себя подвиг отказа от обыденного ума, от общепринятого поведения и речи, имеющий вид безумного в обличении неправды мира сего; см. [4].

Насколько часто люди сталкивались с психопатиями в ближнем кругу, слышали и читали о сумасшедших, насколько многообразным было их восприятие и истолкование, свидетельствует богатая русская полионимия всей совокупности психопатий — такую не производила в языке ни одна другая болезнь. В нее входят нетерминологические названия состояния: “безумие”, “сумасшествие”, “умственное расстройство”, “умопомрачение”, “помешательство”, “душевная болезнь” и пр., имеющие разные коннотации и функции. Им соответствуют наименования лиц: “безумный”, “ненормальный”, “сумасшедший”, “психопат”<sup>3</sup>, “умалишенный”, “помешанный”, “душевнобольной”, “невменяемый”, вплоть до стилистически сниженных “поврежденный”, “спятивший” и т.п. Хотя в последнем ряду не все названия и не всегда обозначают только действительно патологическое состояние, они могут употребляться и как характерологические определения.

В литературных (и в некоторых художественно-философских) текстах, прежде всего

<sup>1</sup> Позднейшие исследователи определяли его как *melancholia misanthropica*.

<sup>2</sup> Об этом направлении психотерапии см.: [1].

<sup>3</sup> Семантика и история данного понятия скрупулезно на большом фактическом материале рассмотрены в статье Н.Ю. Грякаловой [5].

романтической ориентации, нередко расширялась семантика слова “безумие” за пределы собственно психопатии с включением экстатических состояний ума и чувства, сопровождающих акт творчества. Генетически это восходит к античным пифическим и оргиастическим экстазам, к архаичным ритуальным трансам.

Сохраняя в той или иной мере отсылки к психической аномальности в изображении (или имитации) безумия, некоторые писатели стремились придать ему духовную значимость и культурную ценность.

Так, прорываясь сквозь “нашу прозу с ее безобразьем” [6, т. 1, с. 281], Пастернак приходит к “Высокой болезни” — программно называя этим словосочетанием поэму (1923, 1928), и у него это — синоним творчества: “Высокая одна болезнь / Еще зовется песнь” [6, т. 1, с. 273]. Она “гостит во всех мирах” [6, т. 1, с. 276], и насколько безумен наступивший социальный “содом” (по его определению тех лет), настолько безумствует речь поэта с ее неистовой метафоризацией мира, с параболизмом, аритмией, с разрывами нарративных связей, резкими стилевыми перепадами и стычками (в сплошном ее потоке сталкиваются высокие поэтизмы — прозаизмы — просторечие — вулгаризмы). В истории настал такой момент, стихи о котором Пастернак называет “Болезни земли” (1919), поэт заключает: “Надо быть в бреду по меньшей мере, / Чтобы дать согласие быть землей” [6, т. 1, с. 136]. Болезни земли переходят на человека, на поэта, о чем уже прямо сказано в цикле “Болезнь” (1918–1919): “Духовенств душней, черней иночеств / Постигает безумье нас” [6, т. 1, с. 190]. Именно в таком состоянии, между субъектной реальностью и поэтическим письмом или, можно сказать, в зоне клинической неопределенности, Пастернак, чья психика была чрезвычайно подвижна, проговаривает смыслы, лежащие глубже рационального их понимания и выражения.

Уместно ль песнью звать содом,  
Усвоенный с трудом  
Землей, бросавшейся от книг  
На пики и на штык.  
Благими намереньями вымошен ад  
Установился взгляд,  
Что, если вымостить ими стихи, —  
Простятся все грехи.  
Все это режет слух тишины,  
Вернувшейся с войны. [6, т. 1, с. 273]

Его речь в ту пору в меньшей мере обусловлена современными ему стилевыми тенденциями<sup>4</sup>; она зачастую продуцируется как своего рода поэтическая глоссолалия<sup>5</sup>. Данный тип речи (от греч. γλῶσσα — язык и λαλέω — говорю), в своей умеренной форме сохраняя относительную грамматическую правильность, общую смысловую внятность, тяготеет к словоупотреблению, выпадающему из общепринятого, ему свойственны неожиданные повороты мысли, спонтанность возникновения разнородных образов, нарушение связей между фрагментами, отсутствие тема-ре-матического единства. Она бывает присуща людям в состоянии бреда, транса или страдающим психическими отклонениями. Есть указания на глоссолалию апостолов в начале их миссии среди иноязычных, она считалась, как и способность апостолов говорить на разных языках, даром свыше, полученным в момент схождения Духа Святого. Охваченный сакральным экстазом, апостол проповедовал Благоую весть подчас в сумбурной, но вдохновенной речи — при этом, как свидетельствовал Павел, “никто не понимает его, он тайны говорит духом” (1 Кор 14:2). «А иные, — замечает автор “Деяний”, — насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина» (Деян 2:13)<sup>6</sup>.

В России в начале XIX века психопатические явления оказались в ближнем поле зрения медицины, а вскоре и литературы.

Среди врачей-психиатров, внесших немалый вклад в нозологию (как тогда именовалось изучение психических расстройств), следует назвать Василия Федоровича Саблера (1797–1877), главного врача московской Преображенской психиатрической больницы, и Петра Александровича Бутковского (1801–1844). Первый изменил само отношение к больным, гуманизировал условия их госпитализации и средства лечения. Второй, на основании своей врачебной практики и наблюдений европейских медиков<sup>7</sup>, создал новаторский тогда труд научно-практического содержания, в котором описал симптоматику и типы больных, дал классификацию психопатий,

<sup>4</sup> Характерна для этих тенденций поэтическая речь Велемира Хлебникова, по стилевому облику местами близкая к пастернаковской, но в ней нет мотивов безумия; в тех же обстоятельствах она управлялась рационализирующей мыслью и осознанным художественно-языковым заданием.

<sup>5</sup> Как литературный феномен она исследуется (не касаясь творчества Пастернака) в новейшей работе В. Феценко [7].

<sup>6</sup> См. наиболее полную по материалу работу Е. Lombard [8]; также [9, с. 55–57, 79–107].

<sup>7</sup> В частности, он пользовался сочинением французского врача Ф. Пинеля [10].

уже тогда выделяя некоторые виды шизофрении, связывая ее с расстройствами ментально-рефлексивной сферы, обследовал больных с инволюционными депрессиями, параноидов, отграничил олигофрению от деменции. Главным регулирующим началом нозосферы Бутковский считал “самосоведение” (т.е. самосознание) и полагал, что “болезнь душевная есть то состояние, при котором свободная самосоведующая сила теряет свое владычество над всеми или над некоторыми токами отправлениями психической жизни” [11, с. 25]. Соответственно, человек утрачивает внутреннюю свободу, не может сам управлять собой, им овладевают внешние силы — раздражения, идущие от среды, он впадает в “самострастие”, то есть становится одержимым страстями и маниями [11, с. 34, 39].

Для нас немаловажен тот факт, что во взгляде знаменитого тогда психиатра Бутковского на болезненные состояния ума и чувств, при вполне научной аналитике, отчетливо читается влияние романтической антропологии, как она предстает в “Страданиях юного Вертера”, “Избирательном средстве” Гёте, в “Люцинде” Ф. Шлегеля, в его лекциях “Философия жизни” и т.д. (Бутковский владел немецким, французским и шведским языками, и ему была хорошо знакома европейская литература). Вместе с тем, его авторское изложение в книге “Душевные болезни” отмечено литературностью, сказывающейся в образных описаниях клинической симптоматики и этиологии, в выразительных эпитетах, в новообразованных словах с функцией терминов. Весьма значимо для нашей темы наблюдение Г.С. Батенькова в письме к А.П. Елагиной от 24 мая 1849 г.: “Вообще в последнее время медицина доставила литературе много ясных фраз и вообще наука выразила свои результаты текущим словом” [12, т. 1, с. 249].

Психиатрия как специальная область знания с 1830-х годов стала вызывать заметный интерес в обществе благодаря, в частности, переводам трудов европейских психиатров (упомянутое сочинение Ф. Пинеля было переведено еще в 1829 г.) и журнальным публикациям о психических заболеваниях и их лечении (известно, что такие публикации в “Северной пчеле” читал Гоголь и с ними связаны его “Записки сумасшедшего”).

Тема безумия стала активно вовлекаться в художественную практику; к концу века насчитывались десятки произведений, в которых она разрабатывалась персонологически и сюжетно. Что побуждало изображать героев с психопатическими чертами? Возможность мотивировать выход за границы обыденного мышления и

чувствования, показать сдвиги рецептивного и рефлексивного отношения к окружающему, что обнаруживало новую сторону в человеческой природе и давало новую картину мира. В таком аспекте видит предмет в своей недавней работе Е.Г. Трубецкого [13], обратившись к повести В.Ф. Одоевского “Сильфида”, к его эссе “Кто сумасшедшие”, к текстам из его “Русских ночей”.

Многие из таких текстов изучены литературоведами, хотя далеко не весь необходимый материал XIX века (как, впрочем, и XX-го) подвергнут рассмотрению. Чаще всего исследователи обращаются, конечно, к “Запискам сумасшедшего” Н.В. Гоголя, сборнику А. Погорельского “Двойник, или Мои вечера в Малороссии”, повести Н.А. Полевого “Блаженство безумия”, к “Двойнику” Достоевского, “Русским ночам” Одоевского, к “Палате № 6”, “Черному монаху” Чехова, “Красному цветку” В.М. Гаршина, “Мелкому бесу” Ф. Сологуба, “Красному смеху” Л.Н. Андреева, “Мастеру и Маргарите” М.А. Булгакова. Но явно недостаточное внимание уделено пушкинским “Медному всаднику” и “Пиковой даме”, случаям К.Н. Батюшкова, П.Я. Чаадаева, “Запискам сумасшедшего” Л.Н. Толстого (недавнее обращение к этому тексту принадлежит Д. Быкову) и еще целому ряду произведений. В разных аспектах тема разрабатывалась Е.А. Гаричевой, Е.Г. Трубецкой, Г.Г. Хубулавой, И.Е. Сироткиной, А.М. Грачевой, М.А. Хазовой, О.Ю. Сконечной, М.А. Зиминной, А.В. Селезневой, С.А. Кибальником, Н.Ю. Грякаловой, В.Н. Захаровым. Важна для понимания предмета широко охватывающая материал и проблематику работа К.А. Богданова, в которой показана институализация медицины в России и отчасти на Западе, бытовавшие в науке и обществе представления о здоровье и болезни, репутация врача, отражение этих явлений в культуре, в текстах различной исторической и жанровой принадлежности [14].

Тяжелая психопатия поразила К.Н. Батюшкова, она трагически сказалась на его судьбе и дала тему “высокой болезни” его творчеству. Его душевный недуг коренился в наследственности. Брат деда по отцу всем “казался безумным”, мать умерла в 35 лет от умственного расстройства, подобными заболеваниями страдали сестры Анна и Александра. До времени явных психопатических признаков у Батюшкова не было, но были предвестия. Находясь при русской миссии в Италии, поселившись на острове Искья, “наслаждаясь великолепнейшим зрелищем в мире”, давно излечившись от гейдельбергской раны и будучи физически здоровым, он 1 августа 1819 г. жалуется

Жуковскому: "Здоровье мое ветшает беспрестанно: ни солнце, ни воды минеральные, ни самая строгая диета, ничто его не может исправить: оно, кажется, для меня погибло невосвратно. И грудь моя, которая меня до сих пор очень редко мучила, совершенно отказывается" [15, с. 538]. В множестве и постоянстве подобных жалоб обнаруживаются, как это называлось тогда, ипохондрические страхи, на медицинском языке называемые теперь инертным астеническим синдромом. Этим усугублялась минорная тональность в элегических текстах, что, конечно, соответствовало эмоциональной окраске и стилистике жанра, но выражалось это слишком преувеличенно и настойчиво. Батюшков испытывает почти навязчивую потребность заявлять о своем безотрадном жизнеощущении. Среди "Веселого часа" (написанного между 1806 и 1810 годами) он уверяет, что вскоре "И время сильною рукой / Погубит радость и покой" [16, с. 229], в "Пробуждении" (1815) признается: "Ничто души не веселит, / Души, встревоженной мечтами" [16, с. 231]<sup>8</sup>, в элегии "К другу" (1815) рассказывает: "Так ум мой посреди сомнений погибал" [16, с. 252]. Наконец, в "Последней весне" (1815) обращение Батюшкова к "певцу любви" есть, в сущности, обращение к самому себе: "Ты смерти верной предвещанье / В печальном сердце заключил" [16, с. 234], что перед участвовавшими с 1819 г. приступами меланхолии и тоски указывает на атонию психического самочувствия. Свои настроения, жизнеощущения, предчувствия, мысли о собственной судьбе Батюшков уже в 1810-е годы начинал проецировать на образ Торквато Тассо, на тридцать третьем году жизни впавшего в помешательство (в этом же возрасте безумие поразило и Батюшкова). Сначала была статья "Ариост и Тасс" (1815), в 1817 г. он написал большое стихотворение "Умиравший Тасс", в связи с которым И.М. Семенко верно заметила: "Образ Тассо все болезненнее тревожил Батюшкова и сливался с его собственной личностью; внутреннее самоотождествление с героем несомненно" [16, с. 569].

С 1820 г. его нездоровье становится очевидным для окружающих; меланхолия осложняется манией преследования; с 1823 г. происходят попытки самоубийства. Отправленный в больницу Дерпта, он сбегает, после чего его везут в Германию, в клинику Maison de Sante в Зонненштайне, откуда он тоже пробовал убежать. В конце концов консилиум немецких врачей признает болезнь

неизлечимой; Батюшкова привозят в Москву, поселяют в Грузинах, в Тишинском переулке, и поручают наблюдению врача Антона Дитриха, который и сам занимался литературой: переводил на немецкий стихи Жуковского, Вяземского, также и Батюшкова ("Мои пенаты"), в своем пациенте он высоко ценил талант и хотел вернуть поэта к творчеству. Дитрих вел дневник его состояний, где, наряду с редкими просветлениями, отмечал периодические повторения галлюцинаторно-бредового синдрома и суицидальных намерений. Когда в феврале 1830 г. Батюшков заболел тяжелой пневмонией, к лечению привлекли известного врача Михаила Антоновича Маркуса, прогнозировавшего летальный исход. В доме отслужили всенощную в присутствии друзей поэта, в том числе и Пушкина, которого Батюшков не узнал; предполагается, что воспоминание об этом посещении позже побудило Пушкина написать стихотворение "Не дай мне Бог сойти с ума..." (1833).

Но прогноз не оправдался, и умер Батюшков в 1855 г. от тифозной горячки. На основании межуарного анамнеза, косвенных данных и клинических аналогий современный врач Н.Е. Ларинский, занимающийся темой "История и болезни", составил гипотетический диагноз. «Первое предположение — монополярный аффективный психоз (психотическая депрессия). Депрессия Батюшкова изменялась по глубине от случая к случаю, отмечался у поэта и "меланхолический раптус", во время которого он иступленно хотел лишиться себя жизни. <...> Повышенная раздражительность делала поэта нетерпимым и беспомощно-агрессивным, причем иногда это было выражено ярче, чем подавленное настроение. Потеря аппетита, интереса к противоположному полу, расстройство сна, ипохондрический преморбид с психосоматическими переключениями вполне укладываются в картину эндогенного процесса. <...> Еще в Зонненштайне у него возникла полномасштабная бредовая система с болезненными идеями проклятия, вреда, преследования. <...> Существует мнение о наличии у поэта шизофрении прогрессивного течения» [17, 2015-01-13].

В литературе (и отчасти в поле общественного внимания) 1830-х годов тема безумия и фигуры безумцев вдруг заняли весьма заметное место, что продолжилось, хотя и не в такой концентрации, в следующем десятилетии — уже как развитие темы в новом направлении, в частности, у Достоевского ("Двойник", "Господин Прохарчин", "Хозяйка", "Неточка Незванова"), чьих "фантастических" героев такого рода Белинский отправил в дом умалишенных.

<sup>8</sup> Интимные "мечты" у Батюшкова — это мучившая его игра воображения, в которой порывы его страстной натуры часто связывались с мотивом смерти.

Такую тематическую эпидемию безумия недостаточно объяснять влиянием романтизма, даже при том, что его антропология, как говорилось выше, не осталась без последствий для русских авторов. Гофманианство, которому были особенно подвержены Антоний Погорельский и В.Ф. Одоевский, гипнотическое обаяние Ансельма, Натанаэля, Крейсера действовало на воображение, но порождало все-таки подражательные версии, в которых не случайно избирались для персонажей немецкие и итальянские имена. На многих сильно действовал и романтический соблазн видеть короткую взаимосвязь творческой гениальности с безумием. Через тридцать лет Ч. Ломброзо попытался придать такой взаимосвязи психофизиологическое обоснование; в прославившей его книге [18] он приводил десятки примеров, доказывающих, по его мнению, закономерное наличие помешательства у гениальных и высокоодаренных знаменитостей, сопоставляя их с пациентами психиатрических клиник.

Интерес к психопатиям в 1830-е годы прямо предварялся еще в конце 1820-х годов несколькими ранними обращениями к теме. Таково стихотворение В.Н. Щастного 1827 года “Безумный”, в котором автор, с его напряженным интересом к “сумеречным” состояниям, рисует “человечество в его уничиженьи” [19, с. 528]. Таково стихотворение Е.А. Боратынского 1828 года “Последняя смерть”, в котором человек погружен в то бытие, где “с безумием граничит разуменье” [20, с. 128] и где

Как будто бы своей отчизны давней  
Стихийному смятенью отдан он;  
Но иногда, мечтой воспламененный,  
Он видит свет, другим не откровенный. [20, с. 128]

Именно в этом состоянии он может прозревать ряд грядущих эпох и “последнюю судьбу всего живого” [20, с. 128]. Что здесь такое “отчизна давняя”? Это область прементальных интуиций, проход из которой в светлую область сознания может открываться в момент психопатических эксцессов. Впрочем, не только, а и в моменты эвристических экстазов тоже.

Тогда же Антонием Погорельским дана вполне романтическая трактовка безумия в повести “Двойник, или Мои вечера в Малороссии” (1828).

В 1833 г. обезумел “Евгений бедный” в “Медном всаднике”, Германн был помещен в 17 номере

Обуховской больницы<sup>9</sup>, а автор восклицал в тревоге: “Не дай мне Бог сойти с ума...”. В том же году Н.А. Полевой в повести “Блаженство безумия”, еще следуя за гофмановскими “Песочным человеком” и “Повелителем блох”, рассказывает о несчастной судьбе помешавшегося Антиоха, который заплатил разумом и жизнью за “прихоти своего бешеного воображения” [22, с. 91]. А через год в оригинальной по замыслу и сюжету повести “Эмма” Полевой, показав бессилие медицины вылечить сошедшего с ума молодого князя, приводит врача к глубокой истине: “Что такое болезнь? Победа *тела* над духом, от которой победитель умирает” [22, с. 311]. И проникшийся этой истинной доктор объясняет успешное исцеление больного магнетическим влиянием на него добродетельной Эммы: “Это лечение души душою, это микстура из бытия, пластырь из сердца, порошки из жизни и смерти!” [22, с. 309].

В 1834 году Тютчев создает устрашающее изображение безумия (в одноименном стихотворении), обитающего “там, где с Землею обгорелой / Слился, как дым, небесный свод” [23, с. 120]. Образ безумия натуралистичен и одновременно бездонно метафизичен:

Под раскаленными лучами,  
Зарывшись в пламенных песках,  
Оно стеклянными очами  
Чего-то ищет в облаках... [23, с. 120]

В 1835 г. появляются “Записки сумасшедшего” Гоголя, в которых позже усматривали разработку темы так называемого социального безумия, связывая психопатию Поприщина с ущербностью его социального положения. Сюжет сумасшествия, постигшего героя после падения, А.Ф. Вельтман ввел в повесть “Неистовый Роланд” (1835), написанную по канве гоголевского “Ревизора”. Актер Зарецкий помешался на своей роли из пьесы Ф. Шиллера “Заговор Фиеско в Генуе” и в бреду произносит сценические реплики из нее в ответ на допросы чиновников провинциального города, что излагается в комическом ключе, но с почти трагическим финалом: герой окончательно сходит с ума и продолжает играть роли перед

<sup>9</sup> Интересна интерпретация этого образа на оперной сцене; об исполнении партии Германа (в либретто М.П. Чайковского, в отличие от повести А.С. Пушкина, главный герой Герман — с одной -н. — В.К.) Н.Н. Фигнером А.Ф. Кони писал: «Н.Н. Фигнер в роли Германа сделал удивительные вещи. Он понял и представил Германа как целую клиническую картину душевного расстройства... Когда я увидел Н.Н. Фигнера, я был поражен, до какой степени он верно и глубоко изобразил безумие <...> и как оно у него развивалось. Если бы я был профессиональным психиатром, я сказал бы слушателям: “Идите, посмотрите Н.Н. Фигнера. Он вам покажет картину развития безумия, которой вы никогда не встретите и не найдете!”» [21, с. 46].

больными в желтом доме, а они “забывают свои мании” и “дивятся иступленному искусству За-рецкого” [24, с. 552].

Местопробывание умалишенных привлекло внимание А.Ф. Воейкова еще в 1814 г. и дало повод его желчному остроумию поселить там современных ему писателей и некоторых деятелей, что он и сделал в гротескно-сатирическом стихотворении “Дом сумасшедших”. Ходившее в многочисленных списках, оно пополнялось новыми фигурами вплоть до 1839 г. и было впервые опубликовано (не полностью) в 1857 г. В галерею персонажей попал и Батюшков (строфа 30) с намеками на его болезнь, изоляцию и мрачные мотивы в “Умиравшем Тассе”:

Чудо! — под окном на ветке  
Крошка Б<атюшков> висит  
В светлой проволочной клетке;  
В баночку с водой глядит,  
И поет он сладкогласно:  
“Тих, спокоен сверху вид,  
Но спустись на дно — ужасный  
Крокодил на нем лежит”. [25, с. 299]

Для Н.М. Коншина, с его поздним пессимистическим мировосприятием, зрелище дома скорби не могло быть литературной условностью, и вид его обитателя (скорее всего это было реальное лицо) вызывал в нем искреннее сострадание, что отразилось в стихотворении 1840 г. “Пристав дома сумасшедших к посетительнице”.

В светской повести Н.Ф. Павлова “Маскарад” (1835) доктор, объясняя графине загадочную личность Левина, указывает на его особенную болезнь: “Тяжелое чувство одиночества овладело им, припадок странного сумасшествия терзал его душу. В многолюдных залах и гостиных ему все представлялось, что он наедине с самим собою” [26, с. 103]. Мучившее его состояние неудовлетворенности жизнью разрешается в счастливом браке, но смерть жены вновь повергает Левина в помешательство, в которое вовлекается в конце повести и графиня. Над всеми людьми, над их чувствами и поступками царит безумие, его власть неодолима — такова мысль автора.

Событием, оказавшимся под знаком психической аномалии и получившим небывалый общественный резонанс, стало появление в “Телескопе” в 1836 г. первого “Философического письма” П.Я. Чаадаева, вместе со всем, что за тем последовало.

Причины и смысл неожиданного выступления Чаадаева на поприще историософской публицистики именно с таким текстом, сильного эффекта которого он, несомненно, желал, кроются

в свойствах его личности и в том, что происходило с ним до того.

В высшей степени уважительно относившийся к Чаадаеву как интеллектуалу и общественному деятелю его поздний друг и доверенное лицо М.И. Жихарев беспристрастно охарактеризовал личные свойства автора “Философических писем” и изложил обстоятельства его жизни.

Описывая сопровождавшее Чаадаева с юности восхищение окружающих его светскими достоинствами, талантами, необычным складом ума, Жихарев показывает развитие в нем “того эгоизма и того жестокого, немилосердного себялюбия, которые, конечно, родились вместе с ним <...> были в нем возделаны, взлелеяны и вскормлены сначала угодливым баловством тетки, а потом и баловством всеобщим”, и впоследствии этот эгоизм “получил беспощадный, кровожадный, хищный характер” [27, с. 55]. Этому сопутствовали чрезвычайное тщеславие и “честолюбивые мечтания”, которые развились в Чаадаеве, замечает Жихарев, “почти до безумия” [27, с. 118].

На таком фоне отставка 1821 г., с так и не выясненными причинами, крушение карьеры представляются жизненной катастрофой с болезненными для психики последствиями. Жихарев сообщает о наступившем “нехорошем состоянии здоровья” Чаадаева, об “упадке духа” и заключает, что “здоровый человек превратился в болезненного” [27, с. 80, 81]. “Поселившись в Москве, — рассказывает Жихарев, — <...> он предался некоторого рода отчаянию. <...> Уже грозили помешательство и маразм” [27, с. 85].

Невозможность восхождения по служебным ступеням российской государственности, недоступность вожеленного высокого положения стали тяжелой травмой и вызвали отложенную невротическую реакцию. В середине 1820-х годов она получила интеллектуальное выражение. Ее можно определить как когнитивную агрессию, приведшую Чаадаева к историософскому нигилизму в отношении России, что и обусловило пафос первого “Философического письма”. Французский язык письма был призван придать тексту общеевропейскую логико-понятийную форму, дистанцирующую высказывание и автора от всякой умственной и моральной субъективности. Умонаправлению Чаадаева способствовало то, что он в 1823–1826 годах усердно изучал историю и культуру европейских стран во время путешествия, собираясь написать некий труд об этом и сопоставить с ними Россию; там же он проходил лечение от ипохондрии. Сравнительно с глубоким знанием западной цивилизации,

замечает Жихарев, “всего менее удовлетворительно он знал русскую историю” [27, с. 87]. Андрей Иванович Дельвиг находил у него “совершенное незнание России, потребностей народа и привычку к оппозиции” [28, т. 1, с. 178], что позже привело к намерению ответить на слухи об освобождении крестьян сочинением, доказывающим необходимость крепостного права.

В ходе обсуждения “Письма” в разных слоях общества раздавались как эмоционально негодующие голоса, так и вполне разумные возражения. “Просвещенное меньшинство, — пишет Жихарев, — находило статью высоко-замечательною, но вконец ложною, чему, по его понятиям, причиною был принятый за точку отправления и в основание положенный чрезвычайно затейливый и сциентифически обманчивый софизм” [27, с. 99].

В пришедшей из Петербурга официальной бумаге говорилось, что “достойный сожаления соотечественник, автор статьи, страдает расстройством и помешательством рассудка”, и предлагалось “казенное медицинское пособие” [27, с. 102]. Около месяца Чаадаев находился под наблюдением врача полицейской части, для консультации к нему приезжал заведующий психиатрической клиникой (вероятно, это был упомянутый выше В.Ф. Саблер), после этих формальных визитов его опекал давний приятель, ранее часто его лечивший, московский доктор Гульковский. Чаадаев пребывал в подавленном настроении, бессмысленную попытку объяснить с С.Г. Строгановым, попечителем Московского учебного округа, Жихарев называет “действием, исполненным трусости и малодушия” [27, с. 102]. А вот к своему деятельному заступнику московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну Чаадаев не обнаружил никакой благодарности, хотя именно его стараниями он был вскоре прощен и освобожден от всякого надзора.

Допуская некоторые психопатические состояния у Чаадаева, нужно заметить, что он знал их за собой и тоже делал предметом самолюбования. С.В. Энгельгардт вспоминала, что он “был влюблен в себя самого” и «говаривал иногда не без удовольствия: “*Mon illustre demenée*”» [29, № 10, с. 698].

Активный литературный и психологический интерес в 1830–1840-е годы к сюжетам безумия, если взять всю совокупность его эпизодических и разножанровых выражений, дает определенную картину познавательных и мировоззренческих перемен. Вполне очевидно, что происходило

значительное изменение представлений о человеке<sup>10</sup>, обо всей антропосфере, изменение самосознания. Человек классический и романтический переходил в область человека реального с открывшимися для изучения и изображения свойствами, которые прежде находились за пределами культурного поля.

В.Ф. Одоевский в те годы продолжал разрабатывать тему безумия в романтическом русле, следуя концепции гениальности как формы сумасшествия; в 1844 г. он собрал почти все такие тексты в “Русских ночах”. В литературных иллюстрациях этой концепции он прибегал к смешению исторических фактов с преданиями, домыслами и фантазиями, как и любимый им Гофман в своих “Фантазиях в манере Калло”, с входящими в них “Кавалером Глюком”, “Крейслерианой”. У Одоевского в “Последнем квартете Бетховена”<sup>11</sup> (1831) дан эпиграф из “Серапионовых братьев” Гофмана о сумасшествии Кrespеля [31, с. 79]<sup>12</sup>. Именно по поводу этого произведения композитора исполнители квартета, “приведенные в отчаяние бессмыслицею сочинения”, выразившееся в нем “темное, не понимающее себя чувство” приписывали сумасшествию автора, “иногда омрачавшему его творческое дарование” [31, с. 79]. И главный персонаж “Русских ночей” Фауст склонен видеть в Бетховене “род помешательства” [31, с. 84], находя, что в его музыке “сквозь ее чудную гармонию слышится какой-то нестройный вопль” [31, с. 85].

В описанном некими друзьями Фауста герое рассказа “*Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi*” (впервые опубликован в 1832 г.) изображен безумный старик, названный именем итальянского архитектора Дж. Пиранези, автора гравюр с архитектурными фантазмагориями. Он одержим мыслью создать величайшие по замыслу, но невозможные в реальности сооружения. Он, бывший художник, узнал на своем опыте, что в творчестве заключен убивающий душу демон: “В каждом произведении, выходящем из головы художника, зарождается дух-мучитель; каждое

<sup>10</sup> Ср. такие представления в наиболее оригинальном труде А.И. Галича “Картина человека” [30].

<sup>11</sup> Произведение Бетховена не названо точно; скорее всего, это струнный квартет № 16, F-dur, op. 135, 1826 года.

<sup>12</sup> См. также: [32, т. 2, с. 35–36]. В “Русских ночах” влияние “Серапионовых братьев” (1819–1821) наиболее очевидно и предметно: отсюда проистекают заявленные Гофманом с самого начала мотивы безумия (сошедший с ума граф П\*\*\*, считающий себя пустынным Серапионом, помешавшийся Кrespель), отсюда происходит форма повествования, организованного как собеседование собравшихся для того четырех друзей, и т.п.

здание, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумаге, служит жилищем такому духу” [31, с. 32]. В великом творце изначально живет великое безумие.

Но под безумием Одоевский все-таки подразумевает не собственно клиническую психопатию — в его истолковании сумасшествие очищается от тяжелых психозов, от неэстетичных нейросоматических проявлений; он локализует его в чисто ментальной сфере и там рассматривает через теоретико-романтические очки. В тексте, вставленном во вторую из “Русских ночей” (ему предпослан многозначительный эпиграф: “*Humani generis mater, nutrixque profecto dementia est*”<sup>13</sup>), друзья Фауста развивают апологию сумасшедшего<sup>14</sup>: “Мы говорим — понятия сумасшедших нелепы: но никакой здоровый человек не в состоянии собрать в один пункт столько многообразных идей о предмете. И это явление, нельзя не сознаться, весьма подобно тому мгновению, в которое человек делает какое-либо открытие” [31, с. 25]. И далее поясняют: “Словом, то, что мы часто называем безумием, экстатическим состоянием, бредом, не есть ли иногда высшая степень умственного человеческого инстинкта, степень столь высокая, что она делается совершенно непонятною, неуловимою для обыкновенного наблюдения?” [31, с. 26]. С этой позиции отвергается мнение врачей о том, что сумасшествие есть просто болезнь, и утверждается, что самой медицине известны случаи, когда мозг пациентов обнаруживал необычайные способности восприятия. И Фауст (а вместе с ним и Одоевский) склонен предпринять “исследование некоторых людей, которые, живя между другими, в большей мере пользуются названием великих, или названием сумасшедших” [31, с. 26]. Что и осуществил через двадцать лет Ч. Ломброзо.

У Одоевского его версия “высокой болезни” с ее романтическими симптомами оставалась центральным пунктом художественной антропологии. Продолжая ее не столько развивать, сколько иллюстрировать, он варьирует сюжеты, незначительно меняет характеры и положения персонажей, но неизменно изображает как кульминацию их душевной жизни явления им откровения иных миров. В повести “Сильфида” (1837) другу рассказчика Михаилу Платоновичу явилось в чудесной “вазе с солнечною водою”

[33, с. 282] видение живой женщины, которая стала его возлюбленной и увлекала его в иной, высший мир, где все прекрасно и не так, как в мире здешнем, обычном, — там “веет солнце, звучат цветы, благоухают звуки”, “там самая мысль сливается с желанием” [33, с. 287, 291]. Повторяется история Ансельма и Серпентины, описанная в “Золотом горшке” Гофманом. В “Сильфиде” же ученый врач видит причину в воздействии каббалистического чтения на “мозговые нервы” страдавшего ипохондрией героя. Доктор вместе с приятелем Михаила Платоновича берется за лечение, и наступает выздоровление, но вместе с тем происходит “загрубление” чувств пациента, и для него становится недоступным другой мир. Утрату возможного творческого счастья герой переживает в последнем порыве: “А может быть, я художник такого искусства, которое еще не существует, которое не есть ни поэзия, ни музыка, ни живопись, — искусство, которое я должен был открыть и которое, может быть, теперь замрет на тысячу веков: найди мне его!” [33, с. 293]. Если перевести это на чеховский язык 1893 года, предстанет Коврин, который после встреч с черным монахом “уже верил тому, что он избранник божий и гений” [34, с. 257]. Врач Чехов считал, что помешательство в такой острой форме происходит от поражения всего организма и должно привести к летальному исходу, который и описан в финале повести.

Несколько отклоняясь от названной концепции, Одоевский, заинтересовавшийся тогда магнетизмом, рассматривает безумие уже как клинический случай в повести “Косморама” (1839), в которой он, наряду с лечащим врачом Бином, вводит его двойника — тоже врача, но из другого мира, объясняющего герою, что он действительно помешался и что “оно так и должно быть — у вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего” [35, с. 193], что бывает с ним в бреду во время “магнетического сна”. Свои прозрения в иной мир герой приписывает шотландскому “второму зрению” и надеется, что “этот род нервической болезни проходит с годами” [35, с. 225]. Но Одоевский лишает его такой надежды и оставляет “гибельную дверь души” открытой, и герой сознает, что, оставаясь жильцом здешнего мира, принадлежит другому, где вынужден быть не созерцателем, но “действителем”, исполняя свое роковое предназначение [35, с. 233]. С вошедшим в моду учением об “органическом магнетизме” связан и рассказ Одоевского “Орлахская крестьянка” (1842) из цикла “Беснующиеся”. В нем описана трагедия девушки Энхен, страдавшей падучей болезнью и мучимой вселившимся в нее

<sup>13</sup> “Мать рода человеческого и кормилица его это, конечно, безумие” (лат.).

<sup>14</sup> Так назвал Чаадаев свою статью, содержащую разъяснение идей первого “Философического письма” и оправдание своей позиции, написанную на французском языке в 1837 г.

духом человека, совершившего некогда страшные преступления.

Обращение А.И. Герцена к теме психопатии было связано с мыслью о тотальном безумии рода человеческого. Изложить ее с медицинской аргументацией он поручил врачу в повести “Доктор Крупов” (1847), придав ей форму записок специалиста по сравнительной психиатрии. Крупов, основываясь на своем опыте и научных данных, отвергает “придуманную разумность и необходимость всех народов и событий”, считает, что “надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица с точки зрения безумия”, и заключает: “история — горячка”, “история — автобиография сумасшедшего” [36, т. 4, с. 264]. Продолжена эта мысль в повести “Поврежденный” (1851), герой которой, говорит автор, “с самого первого разговора удивил меня независимой отвагой своего больного ума” [36, т. 7, с. 371]. Однако “поврежденность” Евгения Николаевича здесь скорее литературный прием, предназначенный заинтересовать читателя необычным персонажем в колоритной обстановке. Мнения его резки, но вполне разумны, когда он говорит, что человек страдает хроническим *historia morbus* (недуг истории — лат.) и уверяет, что “болезнь исторического развития идет из Европы” [36, т. 7, с. 374].

Дальнейшее движение темы в литературе пришло к ее реалистической разработке, достигшей своих вершин, в “Красном цветке” В.М. Гаршина (1883), в “Палате № 6” (1892). Следующая фаза относится к эпохе модернизма и связана с умонастроениями декаданса.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия. Теория и практика. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 176 с.
2. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1990–1994.
3. Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. P.: Gallimard, 1972. 587 p.
4. Иоанн Ковалевский, свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1902. 308 с.
5. Грякалова Н.Ю. “Психопаты”: История понятия и его литературные трансформации на рубеже XIX–XX веков // Русская литература. 2022. № 3. С. 41–49.
6. Пастернак Б.Л. Собр. сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989–1992.
7. Феценко В. Между бедностью языка и бездной речи. Распад логоса как поэтический процесс // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 229–244.
8. Lombard E. De la Glossolalie chez les premiers chrétiens et des phénomènes similaires: Étude d'exégèse et de psychologie. Lausanne: Imprimeries Réunies. G. Bridel, 1910. 284 p.
9. Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 281 с.
10. Pinel Ph. Traité medico-philosophique sur l'alienation mentale. P.: J.Ant. Brosson, 1809. 496 p.
11. [Бутковский П.А.] Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом содержании доктором медицины Петром Бутковским. Часть первая. СПб.: Типография И. Глазунова, 1834. 122 с.
12. Батеньков Г.С. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Восточносибирское книжное изд-во, 1989.
13. Трубецкова Е.Г. “Новое зрение”: Болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 304 с.
14. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патогرافические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.
15. Батюшков К.Н. К другу. Избр. произведения и письма. М.: Парад, 2007. 608 с.
16. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. 608 с. (Сер. “Литературные памятники”).
17. Larinsky N.E. K.N. Batushkov. Uzrf.ru.2015-01-13.
18. Lombroso C. Genio e follia: prelezione ai corsi di antropologia e clinica psichiatrica presso la R. Università di Pavia. Milano: Tipografia e Libreria di Giuseppe Chiusi, editore, 1864. 46 p.
19. Щастный В.Н. Безумный // Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. С. 528. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
20. Боратынский Е.А. Полн. собр. сочинений и писем. М.: Языки славянской культуры. Т. 2. Ч. 1. Стихотворения 1823–1834 годов. 2002. 440 с.
21. Кони А.Ф. Слово о Фигнере // Фигнер Н.Н. Воспоминания. Письма. Материалы. Л.: Музыка, 1968. С. 40–44.
22. Полевой Н.А. Избр. произведения и письма. Л.: Худож. лит., 1986. 584 с.
23. Тютчев Ф.И. Полн. собр. сочинений. Письма. В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849. М.: Классика, 2002. 528 с.

24. Вельтман А.Ф. Неистовый Роланд // Русские повести XIX века 20-х — 30-х годов: В 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 1. С. 523–552.
25. Воейков А.Ф. Дом сумасшедших // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 292–302. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
26. Павлов Н.Ф. Сочинения. М.: Советская Россия, 1985. 304 с.
27. Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 48–119.
28. Дельви́г А.И. Мои воспоминания. В 4 т. М.: Московская публичная библиотека, Румянцевский музей, 1912–1913.
29. Энгельгардт С.В. Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. № 9–10.
30. Галич А.И. Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1834. 677 с.
31. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
32. Гофман Э.-Т.-А. Собр. сочинений: В 6 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896–1898.
33. Одоевский В.Ф. Сильфида // Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. С. 272–294.
34. Чехов А.П. Черный монах // Чехов А.П. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 226–257.
35. Одоевский В.Ф. Косморама // Русская фантастическая проза XIX — начала XX века. М.: Правда, 1991. С. 183–233.
36. Герцен А.И. Собр. сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
- Aleksey Dmitrievitch Stupin Publ., 1902. 308 p. (In Russ.)
5. Griakalova, N.Ju. “Psikhopaty”: Istoria poniatia i ego literaturnye transformatsii na rubezhe XIX–XX vekov [“Psychopaths”: The History of the Concept and its Literary Transformations at the Turn of the XIX–XX Centuries]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 2022, No. 3, pp. 41–49. (In Russ.)
6. Pasternak, B.L. *Sobranie sochineniy v 5 t.* [Complete Works in 5 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989–1992. (In Russ.)
7. Feschenko, V. *Mezhdubednostju jazyka i bezdnoy rechi. Raspad logosa kak poeticheskii protsess* [Between the Poverty of Language and the Abyss of Speech. The Disintegration of the Logos as a Poetic Process]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2014, No. 1, pp. 229–244. (In Russ.)
8. Lombard, E. *De la Glossolalie chez les premiers chrétiens et des phénomènes similaires: Étude d'exégèse et de psychologie*. Lausanne, G. Bridel Publ., 1910. 284 p. (In French)
9. Belianin, V.P. *Vvedenie v psikhiatricheskoe literaturovedenie* [Introduction to Psychiatric Literary Criticism]. München, Verlag Otto Sagner, 1996. 281 p. (In Russ.)
10. Pinel, Ph. *Traité medico-philosophique sur l'alienation mentale*. Paris, J. Ant. Brosson Publ., 1809. 496 p. (In French)
11. Butkovsky, P.A. *Dushevnye bolezni, izlozhennye soobrazno nachalam nyneshnego uchenia psikhiiatrii v obshchem i chastnom, teoreticheskom i prakticheskom soderzhanii* [Mental Illnesses Described in Accordance with the Modern Principles of Psychiatry, in General and Particular, Theoretical and Practical Content]. Part 1. St. Petersburg, I. Glazunov Publ., 1834. 122 p. (In Russ.)
12. Batenkov, G.S. *Sochinenia i pisma v 2 t.* [Works and Letters in 2 Volumes]. Irkutsk, Vostochnosibirskoe knizhnoe Publ., 1989. (In Russ.)
13. Trubetskova, E.G. “Novoe zrenie”: *Bolezn kak priem ostraneniya v russkoy literature XX veka* [“New vision”: Illness as a Method of Exclusion in Russian Literature of the 20<sup>th</sup> Century]. Moscow, Novoe literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. 304 p. (In Russ.)
14. Bogdanov, K.A. *Vrachi, patcienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoy kultury XVIII–XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic Texts of Russian Culture of the 18<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, OGI Publ., 2005. 504 p. (In Russ.)
15. Batushkov, K.N. *K drugu. Izbrannnye proizvedeniya i pisma* [To a Friend. Selected Works and Letters]. Moscow, Parad Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)
16. Batushkov, K.N. *Opyty v stikhah i proze* [Essays in Poetry and Prose]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 608 p. (In Russ.)

## REFERENCES

1. Petrushin, V.I. *Muzykalnaia psikhoterapia. Teoria i praktika* [Musical Psychotherapy. Theory and Practice]. Moscow, Gumanitarnyj izdatelskiy tsentr VLADOS Publ., 1999. 176 p. (In Russ.)
2. Platon. *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Complete Works in 4 Volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1990–1994. (In Russ.)
3. Foucault, M. *Histoire de la folie à l'âge classique*. Paris, Gallimard, 1972. 587 p. (In French)
4. Kovalevsky Ioann, priest. *Jurodstvo o Khriste i Khrista radi jurodivye Vostochnoy i Russkoy Tserkvi* [Foolishness about Christ and for Christ's Sake, the Fools of the Eastern and Russian Churches]. Moscow,

17. Larinsky, N.E. K.N. Batushkov. Uzrf.ru.2015-01-13. (In Russ.)
18. Lombroso, C. *Genio e follia: prelezione ai corsi di antropologia e clinica psichiatrica presso la R. Università di Pavia*. Milano, Tipografia e Libreria di Giuseppe Chiusi, editore, 1864. 46 p.
19. Schastny, V.N. *Bezumnyj* [Mad]. *Poety 1820–1830 godov v 2 t.* [Poets of 1820–1830 in 2 Vols.]. Leningrad, Sovetsky pisatel Publ., 1972, Vol. 1, p. 528. (In Russ.)
20. Boratynsky, E.A. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Part 1. Moscow, Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2002. 440 p. (In Russ.)
21. Kony, A.F. *Slovo o Fignere* [Speech about Figner]. *Figner N.N. Vospominania. Pisma. Materialy* [N.N. Figner. Memories. Letters. Materials]. Leningrad, Muzyka Publ., 1968, pp. 40–44. (In Russ.)
22. Polevoy, N.A. *Izbrannyye proizvedeniya i pisma* [Selected Works and Letters]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 584 p. (In Russ.)
23. Tutchev, F.I. *Polnoye sobraniye sochineniy v 6 t.* [Complete Works in 6 Volumes]. Vol. 1. Moscow, Klassika Publ., 2002. 528 p. (In Russ.)
24. Veltman, A.F. *Neistovy Roland* [Furious Roland]. *Russkie povesty XIX veka 20–30 godov v 2 t.* [Russian novellas 1820–1830 in 2 Volumes]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., Volume 1, 1950, pp. 523–552. (In Russ.)
25. Voejkov, A.F. *Dom sumassheshikh* [The Madhouse]. *Poety 1790–1810 godov* [Poets of 1790–1810]. Leningrad, Sovetsky pisatel Publ., 1971, pp. 292–302. (In Russ.)
26. Pavlov, N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Sovetskaya Rossia Publ., 1985. 304 p. (In Russ.)
27. Zhikharev, M.I. *Dokladnaya zapiska potomstvu o Petre Yakovleviche Chaadaeve* [A Memo to Posterity about Peter Yakovlevich Chaadaev]. *Russkoe obschestvo 30 godov XIX v. Liudi i idei. Memuary sovremennikov* [Russian Society of the 30s of the 19<sup>th</sup> Century. People and Ideas. Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Moscow University Publ., 1989, pp. 48–119. (In Russ.)
28. Delvig, A.I. *Moi vospominaniya v 4 t.* [My Memories in 4 Volumes]. Moscow, Moskovskaya publichnaya biblioteka, Rumiantsevsky muzej Publ., 1912–1913. (In Russ.)
29. Engelhardt, S.V. *Iz vospominaniy* [From Memories]. *Russky vestnik* [Russian Herald]. 1887, No. 9–10. (In Russ.)
30. Galitch, A.I. *Kartina cheloveka* [The Picture of Man]. St. Petersburg, Tipografia Akademii nauk Publ., 1834. 677 p. (In Russ.)
31. Odoevsky, V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 320 p. (In Russ.)
32. Gofman, E.-T.-A. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Complete Works in 6 Vols]. St. Petersburg, Tipografia br. Pantelevykh Publ., 1896–1898. (In Russ.)
33. Odoevsky, V.F. *Silfida* [Sylph]. Odoevsky, V.F. *Povesti i rasskazy* [Novellas and Short Stories]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959, pp. 272–294. (In Russ.)
34. Tchekhov, A.P. *Tchernyj monakh* [The Black Monk]. Tchekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 Volumes]. Vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 226–257. (In Russ.)
35. Odoevsky, V.F. *Kosmorama* [Cosmorama]. *Russkaya fantasticheskaya proza XIX – nachala XX veka* [Russian Fantastic Prose of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 183–233. (In Russ.)
36. Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1954–1966. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 3 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 декабря 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2022 г.

Дата публикации: 28 февраля 2023 г.

Received by Editor on December 3, 2022

Revised on December 12, 2022

Accepted on December 15, 2022

Date of publication: February 28, 2023